

© 1992 г., ЭО, № 1

Р. Ш. Жарылгасинова

СНЫ О ЯПОНИИ

Начало этим заметкам было положено в августе 1968 г., когда большая группа советских этнографов во главе с Ю. В. Бромлеем приехала в Японию для участия в работе VII МКАЭН (Токио — Киото). Все было необычно в этой поездке, сильно и ярко по впечатлениям. Для автора она стала «открытием» Японии и японской культуры.

О Японии в последние десятилетия в нашей стране написано очень много. Автор стремится рассказать о своих впечатлениях. Предлагаемые читателю зарисовки различны по жанру; страницы из дневников перемежаются размышлениями о некоторых аспектах японской традиционной и современной культуры.

Храм на горе Такатихо

В солнечный ноябрьский день 1980 г. скоростной поезд *синкансэн* мчал нас вдоль восточного побережья о. Кюсю, с севера на юг. Мы — это наш друг, известный японский этнограф и профессор Като Кюдзо или Като-сэнсэй, М. В. Крюков и автор этих строк. Возможность путешествия по Кюсю была предоставлена М. В. Крюкову и мне дирекцией Японского национального этнографического музея в Осака, где в течение двух месяцев в конце 1980 — начале 1981 гг. мы работали научными сотрудниками под руководством проф. Като Кюдзо.

За окнами проплывали осенние картины Кюсю. Мандариновые и лимонные рощи поднимались по склонам холмов. Их сменяли зеленеющие бамбуковые заросли. Около одноэтажных и двухэтажных домов под серой черепицей в маленьких садах огнем горели осенние цветы. В долинах на полях рис был уже убран. Лишь точные линии стерни, как стежки вышивки, говорили об огромном труде земледельца, а копны соломы, казалось, в каждом районе имеющие свою форму, свой фасон, напоминали бегущих по отдыхающему рисовому полю золотистых человечков. От этого приятного теплого цвета вокруг разливалась благодать и спокойствие, тихая радость, которая приходит после очень трудного, но ладно выполненного дела. Тут и там встречались деревья с алеющими плодами хурмы (*каки*) — символом японской осени. В горных деревушках фундаменты домов были укреплены большими камнями, отчего эти уютные жилища напоминали маленькие замки. Через три часа пейзаж изменился, горы стали круче и выше.

Железнодорожным пунктом нашего путешествия была небольшая станция. На вывеске железнодорожного вокзала красовалось название станции — Хюга.

Хюга! Так значит мы прибыли на землю Хюга, которая упоминается в древнейшей японской летописи «Кодзики» (712 г.). Именно отсюда, из провинции Хюга, начал свой многолетний, многотрудный поход в страну Ямато — на о. Хонсю, легендарный император Дзимму. Реальное и мифологическое, древнее и современное сблизилось и сошлось в этом чудесном названии — Хюга!

От тихой маленькой станции Хюга на такси, как на машине времени, мы двинулись в глубь веков и тысячелетий, к истокам японской мифологии, истории и этнографии. Дорога серпантинном поднималась все выше и выше, по горным склонам, поросшим густым лесом. Вершины, казалось, соперничали друг с другом; они закрывали горизонт, а когда в их цепи образовывался прорыв, в туманной дымке поднимались новые пики. Огромная горная страна открывалась

перед нами. Таинственностью и первозданностью веяло от этих могучих вершин, подпирающих Небесный свод — «Равнину Высокого Неба», вершин, на которых обитают Боги.

И вот мы на вершине горы Такатихо. Здесь, около знаменитых синтоистских храмов вырос небольшой городок. Такатихо — это японский Олимп. Каждая пядь этой земли связана с японской мифологией и историей. Археологи свидетельствуют, что в период неолита, в эпоху археологической культуры ранний *дзёмон* (VI—III тыс. до н. э.) здесь жили люди. В окрестных селениях сохранились древние углубленные жилища с массивными крышами-навесами.

Главная цель нашего паломничества — Великий Храм Небесного Грота. Высокие многометровые ворота-*тории*, сделанные из стволов гигантских криптомерий, украшены плетеной веревкой *симэнава*. Они открывают дорогу к Храму Небесного Грота. Тории отделяют обыденное от сакрального. Около них останавливаются автобусы и машины. За ними начинается иной мир. Паломники, экскурсанты идут пешком. Здесь, в Небесном Гроде скрывалась Богиня Солнца — Аматэрасу, когда она, рассердившись на своего брата Бога Сусаноо, покинула Небосвод. Из этой пещеры Аматэрасу вернулась на Небо после длительных просьб других богов, которые, собравшись около входа, смехом и весельем заставили Богиню Солнца выглянуть наружу...

Великий храм Небесного Грота состоит из двух храмов — Восточного и Западного. В Восточном храме поклоняются Аматэрасу, в Западном — Небесному Гроту. Наш путь — к Западному храму Небесного Грота. На это указывает надпись на каменной стеле.

Вдоль дороги, ведущей к стоящим на сваях храмовым строениям — святилищам, высокие деревья, среди которых немало и вековых. Чем ближе к священному месту, тем более тенистыми становятся аллеи. У самых главных строений — глубокая тень от деревьев и кустарников погружает все в полумрак. В храмах горят свечи, золотятся сплетенные из рисовой соломы огромные веревки *симэнава*, украшенные вырезанными из белой бумаги гирляндами *гохэй*.

Молодые монахи, облаченные в белые кофты и зеленые *хакама* (штаны-юбка) негромко что-то объясняют прихожанам и экскурсантам. То тут, то там раздаются хлопки — обращения, призывы к богам.

Несколько строений храма стоят на краю обрыва, линию которого отмечает *симэнава*. На другой стороне ущелья среди густых зарослей находится Небесный Грот. Он близко, и он далеко. Его как будто бы можно увидеть, но увидеть его невозможно. Он находится на Земле, но он принадлежит Небу. Сумрак густого зеленого леса и многовековых деревьев, уходящих в поднебесье своими кронами, создают ощущение торжественности, сакральности, величественности...

На память о посещении храма можно было купить небольшой флажок на деревянном древке с маленьким колокольчиком, звон которого «отгоняет» злых духов. На тонком белом полотнище флажка — красные печати: «Страна Хюга. Такатихо», «Храм Небесного Грота», а также каллиграфически выполненные черной тушью монахами храма надписи: «Храм Небесного Грота», «Страна Хюга. Такатихо». Отдельная строка, заполненная каллиграфом в нашем присутствии, удостоверяет дату нашего паломничества: «Сева 55 год (1980 г.), 11-ый месяц, 16-ый день». Флажок — это и оберег, о чем свидетельствуют сделанные на нем благопожелательные надписи: «Счастья в доме!», «Удачи во всех делах!», «Безопасности в пути!». Украшает флажок и изображение хризантемы.

Миф о том, как Богиня Солнца Аматэрасу скрылась в Небесный Грот и другие поэтические мифы японцев дошли до нас в записи японских летописей «Кодзики» (712 г.) и «Нихон секи» (720 г.). Эти мифы лежат в основе синтоизма (синто — «путь богов») — национальной религии японцев. Японская мифология начинается с космогонических мифов, повествующих о создании мира. Согласно мифам, сначала был хаос, похожий на океан масла («Кодзики») или на яйцо («Нихон секи»), содержащий еле различимый зародыш. Потом из хаоса стали рождаться боги. Так родилось семь божественных пар. Но только восьмой

была отведена важная роль. Это были Боги Идзанаги и Идзанами. Идзанаги и Идзанами создали первый остров, спустившись на который, они вступили в брак. От их союза родились еще острова и множество-множество божеств. Все шло благополучно, пока Идзанами не родила Бога огня. Пламя опалило ее, и Богиня умерла. А умерев, попала в Страну Мрака. Идзанаги поспешил за супругой, желая вырвать ее из царства смерти. Но Идзанами, рассерженная тем, что муж увидел ее безобразное разлагающееся тело, наслала на него темные силы. Бог Идзанаги в страхе бежит из Страны мрака, а супруга вслед ему произносит грозные слова: «Отныне на Земле ежедневно будут умирать 1000 человек!». В ответ Идзанаги ответил: «Отныне я буду строить на Земле ежедневно 1500 родильных домиков!». Спасаясь от многочисленных преследователей Страны мрака, Идзанаги оказывается на Земле, на берегу светлой реки Цукуси (Кюсю). Он омывается в ее водах. После омовения и очищения из его левого глаза вытекла чистая слеза, из которой родилась Богиня Солнца — Аматаэрасу — «Небесное Сияние», из правого — Бог счета лун Цукиеми, а из его дыхания — Бог Сусаноо, впоследствии повелитель морской стихии.

Когда на земле родились последние Боги, Аматаэрасу сразу заняла свое место на Небе. Сусаноо же должен был отправиться в дальние края. Между божественными братом и сестрой возникало немало недоразумений, которые обычно заканчивались примирением. Тогда Аматаэрасу дарила Сусаноо мечи, а Сусаноо дарил сестре украшение *магатаму*. Но однажды Сусаноо, поднявшись в Небесные чертоги Аматаэрасу, натворил в ее хозяйстве массу бед: разрушил межи на рисовых полях, осквернил жилище, обидел небесных ткачих. И вот тогда разгневанная Богиня удалилась в Небесный Грот, и в тот же миг свет покинул землю, и исчезло чередование дня и ночи. Боги были обеспокоены этим происшествием. Они собрались перед входом в грот и решили обманом выманить Богиню Солнца. Но все их попытки были безуспешны. Наконец, одна из Богинь — Амэ-но Удзумэ, забралась на перевернутый чан и начала отплясывать на нем. Чан гремел от ударов ее ног, а весь танец сопровождался неистовыми криками Богов. Войдя в экстаз, Богиня сбросила с себя одежду, и Боги разразились громовым смехом. Аматаэрасу, не в силах более бороться со своим любопытством, решила посмотреть: что же так веселит Богов в то время, когда она, Богиня Солнца, удалилась в Небесный Грот, — и она выглянула наружу. В тот же миг самый сильный из Богов — Амэ-но Тадзикара-о-но микото — Небесный силач, схватил Аматаэрасу за руку и вытащил ее, а за спину ей забросили веревку симэнава, чтобы она уже не смогла вернуться в грот. Так в мир снова вернулось солнце и тепло. Сусаноо после наказания и длительных скитаний, обосновался в стране Идзумо, где со временем стал править его потомок Окунинуси...

Миф об удалении Богини Солнца Аматаэрасу в Небесный Грот привлекал внимание русских и советских японистов, однако до сих пор самой блестящей, классической работой, посвященной этому мифологическому сюжету, продолжает оставаться статья владивостокского япониста Н. П. Мацокина (1921 г.)

В ноябре — декабре в Великом храме Небесного Грота в вечерние часы даются представления *кагура*. Темноту ночи освещает огонь, зажженный на большом камне, укрепленном на подставке из трех крупных палок. Представления *кагура* воскрешают отдельные сюжеты, мотивы мифа об удалении Богини Солнца — Аматаэрасу в Небесный Грот. Наиболее известный персонаж — Небесный силач, который отодвинул огромный камень, закрывавший вход в Небесный Грот. Исполняются и танцы Амэ-но Удзумэ. Лица актеров скрыты под большими масками, одежды повторяют старинные костюмы. Во время представлений исполняются синтоистские песнопения *норито*, перелагающие отдельные мотивы мифа.

В окрестностях Такатиho и особенно около Великого храма Небесного Грота немало мест, связанных с поклонением тем или иным синтоистским божествам. По древним повериям японцев именно здесь «встречаются» восемь сот мириад синтоистских Богов. Осенью, после сбора урожая божества «посещают» каждый

дом. Для «встречи» Богов в знак приветствия им в домах ночью утраивают представления кагура, в которых участвуют и стар и мал, и мужчины и женщины. Особой известностью пользуются представления кагура и в храме Такатихо-дзиндзя.

В дневные часы, когда мы посетили этот храм, двор его был пустынен, в углу стояла сделанная из трех крепких палок тренога, на которой был положен камень, на нем этим вечером будет зажжен огонь. Как нам объяснили, в ноябре — декабре, каждый вечер в храме Такатихо-дзиндзя, начиная с восьми часов, даются представления кагура.

Древние мифы, записанные в «Кодзики», повествуют о том, что у Богини Солнца было много потомков. Своего «правнука» Ниниги-но микото Аматаэрасу отправила управлять Землей. В качестве талисмана Ниниги-но микото получил от нее меч, зеркало и резную яшму — магатаму. Потомок Сусаноо — Окуникуси-но микото, «правивший» в стране Идзумо, призвал его верховенство и подчинился ему. Ниниги-но микото «спустился» на Землю на гору Такатихо; именно на этом месте воздвигнут храм Такатихо-дзиндзя. Потомком Ниниги-но микото и был «земной» император Дзимму, совершивший свой знаменитый поход из страны Хюга на Кюсю в страну Ямато на Хонсю.

...Уезжали мы на маленьком местном поезде с деревянными сидениями. Небольшой вагон был заполнен веселыми группами школьников, мамами с детьми, людьми, возвращавшимися домой. Сидевшая рядом с нами пожилая японка с нескрываемым любопытством поглядывала на нас. На ее молчаливый вопрос Като-сэнсэй, лукаво посматрив в нашу сторону, сказал: «Это ученые из Советского Союза. Они изучают „Кодзики“!». Большой похвалы трудно было себе представить. Женщина ласково, понимающе улыбнулась нам. Конечно, мы прекрасно понимали, что наш «вклад» в изучение «Кодзики» был весьма скромнен, но все же у нас было основание для внутренней гордости — ведь впервые советские этнографы поклонились священной земле страны Хюга.

Вокруг поднимались горные пики. Туман плыл над густым лесом, скрывая из виду вершину Такатихо — Японский Олимп.

Древний курган Цукураяма

В один из выходных дней (23 марта 1982 г.) на нашей выставке «Кочевые народы Евразии. Степной Шелковый путь», экспонировавшейся в г. Окаяма, мы отправились на экскурсию по окрестностям этого старинного японского города.

Префектура Окаяма — древняя земля Киби — богата историческими памятниками, она воспета в древних мифах и легендах. Немало открыто здесь неолитических стоянок периода *дзёмон* и *яеи*. В эпоху курганов (*кофун*) местная знать создавала здесь грандиозные усыпальницы.

Покинув небольшое селение, проходим у подножья высокого холма, на западном склоне которого буддийское кладбище, убранное цветами к недавно прошедшему весеннему дню поминовения по буддийскому календарю — празднику О-хиган.

Среди полей, уже подготовленных к скорой весенней посадке риса, среди полей, широко раскинувшихся на равнине, вьется узкая асфальтированная дорога. По обе стороны вдоль нее тянутся выложенные камнем или бетонными плитками каналы, несущие воду для орошения. Вдали то там, то здесь за узорчатыми кирпичными заборами (у каждого хозяина свой узор кладки кирпичей) богатые крестьянские усадьбы. Дома под черепичными крышами стоят на каменных цоколях. Около жилищ маленькие традиционные садики, украшенные каменными буддийскими скульптурами. Около многих домов — машины. По краю полей трепещут на ветру разноцветные флажки. До посадки риса было еще далеко, но работа в огородах шла уже вовсю. По равнине, насколько мог охватить взгляд, возвышались зеленые холмы; а может, это были и древние курганы-усыпальницы.

На востоке на горизонте как гора поднялся курган Цукурияма (V в. н. э.) — один из четырех самых крупных курганов Японии — цель нашего путешествия. Сегодня его высота достигает 25 м, длина — 350 м, ширина — 238 м. Курган имеет кругло-квадратную форму. У восточного подножья кургана раскинулось селение, главная улица которого как бы вторит его силуэту.

Запомнилось странное ощущение, охватившее нас, когда мы вошли в это селение. Еще минуту назад мы шли по дороге, освещенной лучами вечернего солнца, и вдруг время ускорило свой бег и мы погрузились в глубокие сумерки. Не сразу осознали мы, что произошло. И лишь потом поняли, что все селение уже было закрыто тенью этого огромного кургана. В вечерних, мгновенно наступивших сумерках тихими и безлюдными показались улочки, а отдельные огоньки, загоревшиеся в домах, придавали им вид театральных декораций, сказочного заколдованного царства.

Весь курган порос густым лесом, молодым бамбуком. Лес хотя и был невысок, но казался густым и непроходимым. По узкой тропинке мы поднялись на вершину квадратной (северной) части кургана. Здесь установлен небольшой синтоистский храмик. С вершины кургана открылся прекрасный вид на поля, селения, на древнюю землю Киби. С западной стороны кургана сохранились остатки рва, который некогда был заполнен водой...

Важнейший этап в этнической истории древних японцев приходится на первую половину первого тысячелетия нашей эры. Именно в этот период в результате бурного социально-экономического подъема, интенсивности этнических процессов, завершается формирование древнеяпонского этноса. Общество страны Ямато (III — начало VI вв.) стояло на пороге складывания государственности. О далеко зашедшем процессе социальной, классовой дифференциации свидетельствуют и данные мифологии, и археологические, и письменные источники. В районе Кинаи, как и несколькими веками раньше на Северном Кюсю, появляются курганы-захоронения (*кофун*) царей, правителей, воснаачальников. Но если курганы на Северном Кюсю были небольшими, то некоторые курганы страны Ямато по своим размерам могут соперничать с древнеегипетскими пирамидами. Однако, если в геометризме египетских пирамид — противопоставление природе, победа над ней, то в древних курганах Ямато чувствуется стремление к гармонии с природой, слияние с ней. Окруженные искусственными водоемами, многие усыпальницы кажутся естественными зелеными холмами.

На постройку курганов сгонялись тысячи людей — рабов и подневольных, на их создания затрачивались огромные средства. Японским археологам известно более 10 тысяч курганов, которые датируются в основном III—VII вв. н. э. Ученые отмечают большое разнообразие в формах курганов — насчитывается по крайней мере 12 основных типов. В более ранних курганах саркофаг устанавливался в форме лодки, в более поздних — в форме дома. Первая форма, возможно, восходит к быту вождей Северного Кюсю в период завоеваний и жизненно важных сношений с материком. Вторая форма отражает быт земледельческой аристократии Кинаи (Центральный Хонсю). Многие из курганов до сих пор не раскопаны.

Огромными как бы заснувшими великанами-исполинами стоят они сегодня, иногда среди рисовых полей, на окраине селений, соседствуя и соперничая с холмами и горами. Другие оказались в черте больших городов, где к их подножию подступили многоэтажные дома и постройки. Мимо них мчатся, пытаясь обогнать время серебристые скоростные поезда, автомобили причудливой формы. Но даже стремительный XX век, кажется, не может обогнать вечное время курганов.

Более пяти тысяч курганов сохранилось и в префектуре Нара. Неподалеку от г. Нара расположен курган Конабэкофун, длина которого достигает 200 м. Курган кругло-квадратной формы окружен огромным рвом, до сих пор заполненным водой. Однако самым грандиозным курганом является курган императора Нинтоку (V в. н. э.), сохранившийся в предместьях г. Осака. Окруженный тремя

рвами с водой, поросший лесом, он — главная достопримечательность этого района.

В квадратно-круглой форме курганов страны Ямато, по мнению некоторых исследователей, можно проследить влияние древнекитайской культуры: наличие квадратной пристройки к круглому кургану напоминает сооружавшиеся в Китае площадки-алтари при могильных насыпях. Однако в Японии курганы иногда принимают форму 8-образных двойных насыпей, так как захоронения производились и под круглой, и под квадратной насыпью. Интересной представляется мысль С. А. Арутюнова о том, что курганы Ямато восходят к круглым курганам Северного Кюсю. Известно много примеров, когда погребальные камеры курганов складывались из монолитных каменных глыб. Можно предположить, что в основе идеи сооружения курганов Ямато лежат те же самые обряды и всрвания, которые бытовали на Северном Кюсю в то время, когда там процветала культура бронзовых мечей. Традиции дольменной культуры прослеживаются в устройстве грандиозной усыпальницы, известной под именем Исибутаи («Каменная стена»), в которой, как полагают, был захоронен в 626 г. один из представителей древнейшего аристократического рода Сога — Сога Умако. Гробница Исибутаи, расположенная неподалеку от древней японской столицы Асука (префектура Нара) сложена из гигантских камней. Например, каждая из двух глыб, составляющих крышу гробницы — весит более 100 тонн. Сегодня усыпальница Сога Умако входит в состав Национального исторического парка Асука.

В марте — апреле 1972 г. также в префектуре Нара, неподалеку от современного селения Асука был раскопан курган Такамацу (VII — начало VIII вв.). Покрытый лесом круглый (диаметр — 18 м) невысокий (высота — 5 м) курган казался зеленым холмом. Его раскопки превзошли все ожидания и стали научной, культурной и общественной сенсацией. На стенах погребальной комнаты были обнаружены росписи: среди них — изображения группы женщин и мужчин в роскошных парадных одеяниях. Как и в настенной живописи древнекорейского государства Когурё, важное место в росписях Такамацу занимают изображения четырех священных духов-хранителей сторон света. На северной стене — символ Севера — черепаха, обвитая змеей; на западной — символ Запада — белый тигр, над ним изображение Луны; на восточной стене — символ Востока — голубой дракон, над ним диск Солнца. На южной стене, очевидно, было изображение красной птицы, символа Юга. На потолке — звездное Небо, в центре — изображение созвездия Большой Медведицы и важнейших созвездий четырех направлений. Открытие гробницы Такамацу не только продемонстрировало богатство и разнообразие культуры эпохи курганов, но и стало еще одним свидетельством древних контактов и взаимосвязей страны Ямато с корейскими государствами Когурё, Пэкче и Силла. Около гробницы Такамацу создан археологический музей.

Своеобразным символом достижений культуры эпохи Ямато являются скульптуры *ханива* (досл. «глиняный круг»), которыми наряду с глиняными цилиндрами, украшались вершины и подножья квадратно-круглых курганов. Имевшие, очевидно, магическую функцию — охранять от злых духов усыпальницы царей и знати, скульптуры ханива, как указывают письменные источники, были также «заменой» человеческих жертвоприношений при погребении правителей. Высказывается мнение и о том, что установление ханива на вершинах холмов было связано с культом гор.

Ханива — удивительный историко-этнографический источник для познания культуры древних японцев эпохи Ямато. В наши дни ханива украшают экспозиции многих музеев страны. Первоначально ханива представляли собой полые внутри глиняные цилиндры (IV в.), назначение которых заключалось в том, чтобы отделять одно погребение от другого. Начиная с V в. появляются предметные ханива: изображения щитов, колчанов, головные уборы (все это — знаки достоинства), а также домов, лодок. В частности, изображения домов и лодок, обычно устанавливали на вершине кургана. Многие ханива-жилища свидетель-

ствуют о том, что к этому времени у древних японцев широко бытовали наземные дома. Ханива, найденные в различных районах, дают представления по крайней мере о десяти типах архитектурных сооружений, одноэтажных и двухэтажных, с различными видами покрытий и фундаментов. Орнаменты на ханива-щитах, состоящие из прямых и дугообразных линий, напоминают узоры на других бытовых предметах эпохи Кофун. В VI в. появляются скульптуры, изображающие людей. Воины в полном боевом облачении — в пластинчатых латах, боевые кони в полной сбруе, танцоры и певцы, жрецы, запечатленные в момент совершения обряда, женщины в сложных головных уборах, крестьяне с мотыгой на плече и с серпом на поясе. Встречаются фигурки домашних и диких животных. Наивный, последовательный реализм ханива, присущее этим скульптурам радостное, оптимистическое настроение, достигаются скупыми изобразительными средствами. Вот перед нами скульптура, изображающая женщину. У нее на голове сосуд, возможно, с водой. За спиной засыпающий ребенок. С губ чуть приоткрытого рта кажется вот-вот польется песня. С неподдельной искренностью и мягким юмором народные мастера ханива умели передавать различные настроения своих персонажей. В основном, это состояние радости, умиротворенности, чувство спокойной сосредоточенности. Не случайно одна из скульптур получила название «Улыбающийся мужчина». Плоское лицо с чуть вздернутым носом, прямые палочки бровей, большой улыбающийся рот и смеющиеся глаза. Да, человек улыбается, как бы мы сказали — во весь рот, и ничего, что на голове у него чиновничья шляпа, а на плече — щит. Лукавой улыбкой освещено и лицо крестьянина. Его устремленные прямо на зрителя глаза и прижатые к груди как бы в едином порыве руки невольно заставляют прислушаться: не сорвется ли с его губ веселая шутка. Ханива подтверждают не только богатство и высокий уровень развития ремесел в Ямато, но и свидетельствуют о сложной, интенсивной духовной жизни древних японцев. Созданные для того, чтобы сопровождать умерших в потустороннем мире, чтобы «защищать» их, ханива, как и ханьские статуэтки и живопись древнекогурёских гробниц, победили смерть и стали для потомков символом непрерывности жизни, торжества светлого начала.

Ханива заняли свое место и в современной светской жизни японцев. Японские археологи восстановили секрет создания древних скульптур. В природно-историческом парке-заповеднике в г. Миядзаки (о. Кюсю) в ноябре 1980 г. мы посетили Музей ханива. Это был музей под открытым небом. Копии ханива сегодня нередко украшают сады и бульвары больших городов, став непременной деталью современного японского садово-паркового искусства.

Откровения сада Рёандзи

Да, японский сад — это особая сфера японской культуры: традиционной и современной, аристократической и народной, религиозной и светской, постигая которую или, правильнее сказать, приобщаясь к которой, только и возможно познать самые глубинные ее истоки.

Помню одно из сильных впечатлений первых часов пребывания в Японии во время поездки 1968 г.: рукотворный сад с водопадами, карликовыми соснами, каменными фонарями, мхами, зелеными побегами бамбука — за огромными окнами праздничного холла. Сад, устроенный под глухой стеной на одном из бетонных выступов многоэтажного отеля в Токио, был творением современного дизайнера, художника, включившего картину родной природы в архитектуру большого города. Такие сады позднее встречались нам часто. Но мастерство их создания — это лишь самый верхний слой древнего многовекового искусства.

Сады Киото, Окаямы, Инуямы, Никко, парки Нары, Камакуры и других японских городов, оставляли неизгладимое впечатление, их посещение всегда было частью культурной программы. О них не принято было писать в научных отчетах о поездках, но именно знакомство с японскими садами давало то понимание красоты страны и культуры народа, которое оставалось в душе. Вот поче-

му мне хотелось бы рассказать о японских садах, о некоторых личных впечатлениях от встречи с ними.

Среди достижений японской культуры, без которых сегодня невозможно представить сокровищницу народов мира — несомненно особое место принадлежит японскому саду. В XX в. понятие «японский сад» стало своеобразным именем собственным, именем, обозначающим всю многовековую историю искусства сада в Японии, более того, это понятие включает признаки, которые отличают этот сад от садов другого типа.

Думается, наиболее древние истоки японского сада лежат в синтоизме, в древних верованиях японцев, связанных с обожествлением окружающей природы, с наделением всего многообразия мира духовностью, с поклонением Небу, Солнцу, звездам, горам, камням, деревьям, цветам и кустам. Считается, что впервые сады появились в Японии еще в VII в.; согласно письменным источникам первые мастера сада прибыли в Японию из древнекорейского государства Пэкче; уже тогда в усадьбах знати стали устраивать сады с водоемами и островками. Однако только в период Хэйан (X—XII вв.) развивается первый тип классического японского сада — *сима* («остров»). Основным компонентом этого сада было искусственное озеро с островом посередине. Сад *сима* возник под влиянием буддизма, и, прежде всего, его направления амидаизма. Согласно буддизму рай находится на Западе. Владыкой Западного рая почитался Будда Амида. Считалось, что райская земля расположена на острове посреди безбрежного моря. В эпоху Хэйан идеи амидаизма получают широкое распространение среди аристократии. Сад *сима* как бы создавал на Земле картины Западного рая. В его композицию входило озеро, островок (иногда два островка), которые символизировали черепаху и аиста (в китайской, корейской и японской мифологии символы долголетия). С берега на остров были перскинуты небольшие горбатые мостики. Один мостик обычно располагался на севере, а другой на юге. В таком саду обязательно устраивался искусственно сделанный холм, который символизировал буддийскую гору Сумеру. Сады этого типа иногда называют *цукияма*. Такой сад можно было созерцать, сидя на галереях жилого дома. По нему можно было и прогуливаться. По озерку иногда плавали раскрашенные лодочки. Сады эти были невелики по размерам, но присутствие в них таких элементов как озеро, остров, мостики, холмы, в сочетании с цветами, деревьями, создавали огромное множество ракурсов, поворотов, смену зрительных впечатлений. На небольшой площади создавалась зримая картина огромного мира. В хэйанскую эпоху существовали и другие виды садов, в которых основными компонентами были цветы или деревья. Традиция сада *сима* продолжала жить в японском искусстве и в последующие века. Влияние этого сада мы смогли увидеть на примере сада в замке Нидзе в Киото, сада Коракуэн в г. Окаяма. Сад Коракуэн, созданный в конце XVI в. во владениях феодала Икэда Цунатама, разбит на острове, лежащем напротив, как бы у подножья холма, на котором возвышается замок рода Икэда.

В период Камакура (XII—XIII вв.) и Муромати (XIV—XVI вв.) сад — непременная часть храмового комплекса. В его композиции стали усиливаться философская направленность, созерцание сада становится частью обряда.

В XIV—XVI вв. на искусство сада огромное влияние оказывают эстетические каноны дзэн-буддизма. Сады становятся меньше, они все больше предназначаются не для прогулок, а для созерцания из храмов или с его галерей. Главными становятся вечнозеленые кустарники, которым придают заданную форму, близкую к форме камня. В таких садах царствуют кустарники, отдельно стоящие камни, мхи, хвойные породы деревьев. В этот период создателями садов становятся дзэн-буддийские монахи. Авторы стремились передать через сад идеи бесконечности природы, времени, пространства. Сады были для них средством воплощения бесконечной идеи Будды. В то же время философские сады были связаны с космогоническими представлениями древнекитайской философии об инь-ян, согласно которым горы, скалы, камень — символы светлого мужского начала; вода, песок, галька — символы темного, женского.

В самом конце марта 1982 г. наши японские друзья пригласили нас в один из таких садов в префектуре Окаяма. Это был сад в дзэн-буддийском монастыре Райкюдзи, основанном еще в XIV в. Согласно преданию, создателем сада был выдающийся мастер Кобори Энсю (1579—1647), поэтому сад называется Кобори Энсю тэйэн. Саду около 400 лет, он был создан в самом начале XVII в. Созерцают этот чудесный сад с галереи храма. На горизонте в туманной дымке поднималась горная вершина, силуэт которой как бы повторялся и множился в камнях сада. Гора была главным фоном сада. Дзэн-буддийский монах любезно рассказал нам об основных деталях сада: высокий камень символизирует остров журавля, лежащий — символ острова черепахи, вокруг этих островов — «обитателей бессмертных» бушующее море, волны которого переданы бегущими лентами серой гальки. Темнозеленые кусты азалии и отдельные камни-валуны подчеркивают, обрамляют эту картину, изображающую Вселенную. Но самое главное заключалось в том, что созерцание этого сада, казалось бы призванного подавить мощью и беспредельностью Космоса, созерцание этих камней, кустов, очень близкой (хотя, на самом деле — далекой) вершины горы, с ее красивым силуэтом, напоминающим очертания Фудзи, создавало ощущение тепла, умиротворенности, сокровенной радости. Именно поэтому, наверное, здесь всегда бывают люди, они приходят семьями, с детьми, поклоняются святыням храма, любуются садом.

В Киото сады бамбука и сады мха поражают неисчислимым множеством оттенков зеленого цвета. Наиболее известный сад мха был создан в 1339 г. мастером Мусо Кокуси (1276—1367). В храме Сайходзи мастер разбил сад, главным украшением которого стали более пятидесяти видов мха, до сих пор поражающих зрителей переходом оттенков от золотисто-зеленого к черному.

В пейзажных садах — водоемы, камни, деревья становятся продолжением архитектуры храмов, как, например, в саду храма Серебряного Павильона (*Гинкакудзи*), саду, созданном великим мастером Соами (умер в 1525 г.).

Вершиной философских садов становятся сады камней. Создатели таких садов приближаются к пейзажной монохромной живописи тушью. Сады создавались по тем же канонам, что и каллиграфия, живопись, поэзия. Одним из самых удивительных и знаменитых садов камней является сад Реандзи в дзэн-буддийском монастыре Дайансан в Киото. Храм Дайансан расположен у подножья горы Кинугаса, эта местность известна своими пейзажами начиная с X в.

Считается, что создателем сада Реандзи был знаменитый мастер Соами. Сад представляет собой небольшую по размерам прямоугольную площадку (с востока на запад — 30 м, с юга на север — 10 м), засыпанную белым гравием. На площадке расположено 15 камней, они организованы в пять групп. Вокруг каждой группы, как обрамление, посажен зеленый мох. Гравий «расчесан» граблями на тонкие бороздки, которые могут ассоциироваться с мягкой рябью воды. С трех сторон сад огорожен невысоким глинобитным забором. Сад является частью храмового здания, поэтому подойти к нему можно только войдя в храм, а созерцать его можно только сидя на веранде храма. Что же представляют собой камни в саду? Одни считают, что это пять великих горных вершин, поднимающихся к Небу сквозь облака, другие — думают, что это пять островов в безбрежном океане, кому-то кажется, что это тигрица со своими детенышами переплывает бурное море. Видимо, ассоциативный ряд бесконечен. Но в этом саду есть немало и других загадок. Одна из них заключается в том, что с какой бы части веранды зритель ни смотрел на сад, он всегда будет видеть только 14 камней, каждый раз какой-нибудь камень (каждый раз — другой) будет исчезать из поля зрения. Может быть, таким образом дзэн-буддийский монах Соами старался показать людям безмерность мира, мощь Космоса, величие Будды, давая понять, что в огромном мире немало сокровенного, непостижимого. Другая загадка сада заключается в той гипнотической силе, которой он обладает. Созерцание камней дает возможность сосредоточиться, обрести спокойное состояние духа, и углубиться внутрь себя. Ведь этот сад был создан мастером для медитаций мона-

хов. Но самое главное, что этот сад воздействует и на современного человека. В очертаниях камней, в их освещенности, в простирающихся на них силуэтах и ликах, в бесконечности ассоциаций, которые рождают эти камни в разное время года, при разном освещении дня, каждый зритель находит свое. Сокровенное, и самое для него важное. Трижды: поздней осенью, зимой и ранней весной, в разные годы посчастливилось и нам посетить этот удивительный сад, созерцать его камни, и чудилось, что сад приобщил и нас к своим великим тайнам, утверждая единство высокого духовного начала в культуре разных народов, великую неразрывность поколений, приветствуя многообразие и многокрасочность жизни...

Загадка сада Реандзи, как и загадка улыбки Джоконды великого Леонардо да Винчи — непостижимы своей вечной таинственностью и красотой. И два эти великих творения принадлежат всему человечеству.

На развитие японского сада огромное влияние оказала чайная церемония. Устройство сада и реконструкция чайного домика были связаны с эстетической категорией *саби*, обозначающей гармоническое слияние изысканного и простого, спокойного и печального. Понятие саби — выражение скрытой красоты, лаконизма, приглушенности красок противопоставлялось понятию *цужа*, обозначающему поверхностную красоту, внешний блеск. Утверждение принципа саби в проведении чайной церемонии, в создании сада, чайного домика связано с именами мастеров Мурата Дзюко (середина XV в.) и Сэн-но Рикю (1521—1591 гг.).

По маленькому саду (*тянива*, *родзи*), прилегающему к павильону, где проводится чайная церемония, ведет дорожка из камней, в саду устанавливаются каменные фонари, лежат камни, поросшие мхом. Особое значение в таком саду имеют каменные сосуды с чистой водой (*цукубаи*). На таком сосуде-колодце лежит маленький ковшик из бамбука с длинной ручкой. Каждый посетитель обязан омыть руки, лицо, прополоскать рот. Затем, специальным движением, поднимая ковшик с водой, омыть после себя ручку ковшика. В наши дни цукубаи — неперемнная деталь любого храма; перед входом в храм, на его территорию, необходимо совершить этот милый обряд омовения. В *тянива* обычно высаживают сосны, кипарисы, бамбук, вечнозеленые кустарники, которые должны создавать особое настроение сосредоточенности и отрешенности.

От весеннего мелкого теплого дождя над Киото плыл легкий туман. Он придавал всем силуэтам великого города особую мягкость очертаний, превращая их в непрменные детали старинных свитков. Именно в такой день предстал перед нашим взором один из шедевров мастера садов Кобори Энсю, творившего в начале XVII в. Это был сад камней в дзэн-буддийском храме Нандзэндзи, который обычно называют «Садом прыгающего тигра». Созерцать сад можно с галерей, соединяющих два здания храма. Террасы окаймляют сад с восточной и северной сторон. Если любоваться садом с северной веранды, то самый большой камень композиции будет находиться в левом углу, за ним следуют шесть камней поменьше. Все камни окружены мхом, цветущим кустарником, невысокими японскими соснами. Между композицией из семи камней и зрителем — поле, покрытое безупречно белым гравием. Его волнообразные узоры усиливают эстетическое и эмоциональное воздействие сада. Образ тигра, символически присутствующий в композиции Кобори Энсю, как бы вторит золотым росписям на ширмах, хранящихся в храме. Сюжеты росписей на ширмах, выполненных художником Кано Тане, также посвящены тигру. Причем самой знаменитой росписью является картина «Тигр, пьющий воду».

Начиная с XV—XVI вв. многие дзэн-буддийские храмы становятся настоящими сокровищницами, музеями искусства сада, в которых соседствовали рядом сады разных эпох и стилей. Например, в храме Тэндзиан (недалеко от храма Нандзэндзи) около главного здания расположены — сад камней (на восточной стороне), созданный в XV—XVI вв., и ландшафтный (на южной стороне), воссоздающий образ садов XIV в. Особенность ландшафтного сада — два полуострова. Длинный полуостров, идущий от храма, и другой, меньший по размерам, идущий с противоположного берега, соединяясь друг с другом, создают два пруж-

да — восточный и западный. Дно восточного пруда имеет небольшой наклон, благодаря чему создается небольшой водопад. Журчание воды придает этому саду особую привлекательность...

В XVI—XVIII вв. сады создаются в загородных виллах знати. Постепенно сад становится непременным компонентом традиционного жилого дома японцев. Как известно, традиционный японский сад оказал огромное влияние на развитие современного дизайна и садово-паркового искусства как самих японцев, так и других народов мира.

Любование сакурой

В 80-х годах коллектив Отдела этнографии народов зарубежной Азии, Австралии и Океании Института этнографии АН СССР работал над большой темой, посвященной календарным обычаям и обрядам, праздникам годового цикла народов Восточной Азии — китайцев, корейцев, японцев, монголов и тибетцев. Вот почему во время научных командировок в Японию, в 1980—1981, 1982, 1988 годах сбор материала о праздниках японцев был основной и очень приятной задачей.

Среди весенних праздников японцев наибольшей любовью и популярностью пользуется праздник любования сакурой (*о-ханами*). Сакура — особый вид японской вишни — зацветает ранней весной. Белые, розовые, розовато-белые, махровые цветы появляются раньше листьев. Поэтому само цветущее дерево сакура напоминает белоснежное облако. Цветение сакуры кратковременно: стоит подуть сильному ветру и пойти дождю, как нежные лепестки опадают. Согласно буддийским представлениям цветущая сакура напоминает людям о мимолетной жизни, в поэзии она ассоциируется также с ушедшей любовью, с далеской юностью. В период средневековья любование сакурой было непременной частью жизни феодалов. И в наши дни сады при замках в городах Химедзи, Окаяма, Инуяма, Осака и других славятся своими собраниями сакуры. Сегодня любоваться ими приходят все горожане, многочисленные туристы. Деревья сакуры высаживались в призамковых парках, в буддийских и синтоистских храмах. Уже с древности известно несколько десятков различных видов сакуры. Особым почетом пользуются старые деревья сакуры, которым даже даны личные имена. Например, 200-летние деревья сакуры цветут в Никко, около храма Рицуин (основан в VII в.). Их цветы имеют своеобразный золотистый оттенок. Это особый, редкий вид сакуры — *конгосакура*. Со временем любование сакурой стало очень популярным. О-ханами — всеобщий праздник японского народа, хотя он и не имеет точной даты в календаре. Вслед за Весной он движется по Японии с юга на север. В наши дни с приближением времени цветения сакуры ежедневно по телевидению и в газетах сообщается подробный календарь: в какие дни, в какой префектуре, в каком городе, в каком храме зацветет сакура.

Сакурой любят повсюду. По традиции считается, что самая красивая сакура цветет в древних столицах Японии — в городах Нара, Киото, Камакура. С этим трудно не согласиться. Хотя в прочем нам кажется, что сакура прекрасна во всех уголках Японии. В Наре и Камакуре в середине 4-го месяца проводятся красочные представления, посвященные цветущей сакуре. По улицам городов проходят шествия нарядно одетых девушек, молодых женщин и детей, которые несут ветки сакуры. Нам запомнились праздники любования сакурой в Окаяме и Инуяме.

В Киото в период любования сакурой во многих храмах проходят праздники сакуры (*сакура-мацури*, *сакура-кай*), причем во многих из них выступают танцовщицы, проходят праздничные шествия в костюмах предшествующих эпох. Незабываемое зрелище — цветущая сакура в Киото: в храме Дайгодзи, где в последние годы жизни любил встречать праздник о-ханами Тостоми Хидэси (XVI в.); в садах синтоистского храма Хэйан-дзиндзя, созданного в эпоху Мэйдзи; на аллее «Дорога философа».

Цветение сакуры совпадает в традиционном сельскохозяйственном календаре

японцев с началом вспашки земли на рисовых полях, с подготовкой грядок для проросших зерен. Как свидетельствуют письменные источники и наши личные наблюдения весной 1982 г. и 1988 г. в разных районах Японии, центральной частью праздничного обычая о-ханами является посещение мест, где расположены деревья цветущей сакуры (парк, открытые лужайки, сады). Причем любоваться сакурой обязательно отправляются большой компанией: либо члены семьи всех поколений, и обязательно с детьми, либо друзья и сослуживцы. Кульминация веселой весенней прогулки — маленький пикник, который устраивается под деревьями цветущей сакуры. Причем сами пикники могут проводиться и днем и вечером. Если празднество приходится на вечер, то место пикника освещается разноцветными фонариками — преобладают красный и белый цвета. В садах при гостиницах места, где проходят праздничные угощения также огораживаются красно-белыми полотнищами, освещаются разноцветными фонариками. Время цветения сакуры — ранняя весна; земля еще холодная, а в некоторых местах покрыта прошлогодней засохшей травой. Однако празднующие, как мы наблюдали в парке Коракуэн в г. Окаяма, обязательно расстилают на земле, на газонах парков небольшие пледы, коврики, одеяла, циновки и, расположившись совсем по-домашнему, устраивают маленькое пиршество. Рядом играют дети. Этот весенний праздник под цветущей сакурой обязательно должен проходить весело.

Среди угощений праздника о-ханами наиболее любимыми являются рисовые колочки *онигири*, которые упоминаются уже в источниках XIII в.

Представляется, что у этого праздника, сегодня воспринимающегося как высоко эстетизированное явление японской культуры, воспетого многими поколениями японских поэтов и художников, получившего даже буддийскую трактовку, есть и древняя земледельческая основа. Цветение сакуры было некогда важной приметой исчисления времени, указывавшей японскому земледельцу на начало работ на рисовых полях. Возможно, что цветение сакуры наложилось на какие-то более древние природные явления-приметы, столь необходимые земледельцу. На связь с древними аграрными культурами указывают следующие моменты: сидение на весенней земле, пиршества на земле, участие значительного числа людей, присутствие детей, стремление провести праздник радостно.

Но каков бы ни был генезис этого чудесного праздника, он уже давно, в течение многих столетий является не только важнейшей составной частью культуры японского народа, но и ярким событием жизни каждого человека. Любовь к цветущей сакуре, воспоминание о празднике, и снова радость от его прихода, от возвращения Весны. Нам вспоминается мимолетная встреча в одном из самых знаменитых садов г. Инуямы — в дни цветения сакуры, в апреле 1988 г. — с пожилой японкой. В старинной прическе, в прекрасном кимоно, она медленно проходила по аллеям старинного сада. Ее задумчивое лицо и приветливая улыбка говорили о том, как много значит для нее новая встреча с Весной, с цветущей сакурой, которая своими белыми цветами встречала ее, когда она была девочкой, когда она пришла сюда в торжественном костюме невесты, когда в жизни были невзгоды и утраты, когда в ее высокой прическе появились первые серебряные нити. И каждый раз цветущая сакура для нее была и воспоминанием и надеждой.

И тогда подумалось: цветение сакуры мимолетно, но оно повторяется из века в век, из года в год, и своей хрупкостью и нежностью знаменует и утверждает постоянство, неразрывную связь времен и поколений. В любовании цветущей сакурой — глубокая, сокровенная личная сопричастность к многовековой культуре всего народа, к родной природе, к судьбам страны.

Dreams about Japan (Some Pages from an Ethnographer's Diary)

The author presents four sketches of her personal impressions: those of a Shintoist temple devoted to the Sun goddess on Kyushu Island; of ancient Japanese burial mounds; of Japanese gardens; of the traditional Japanese custom of admiring the sakura flowers at springtime.